

Лю Ахметкали

ДЕГУСТАТОР СНОВ

ВРЕМЯ ПОДЛИННОСТИ

Лю Ахметкали

**Дегустатор снов.
Время подлинности**

«Издательские решения»

Ахметкали Л.

Дегустатор снов. Время подлинности / Л. Ахметкали —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745439-5

С одной стороны, это просто 12 сказочных историй, а с другой стороны, эта книга особенная. Она — спираль принятия себя. Она — ключ к раскрытию своей женской сути. Эту книгу не нужно читать. Намного полезнее ее прожить: шаг за шагом, знакомясь со своей подлинностью и позволяя ей проявиться во всей полноте и гармонии. Попробуйте на вкус свой истинный путь. Насладитесь полнотой своего звучания в этом мире.

ISBN 978-5-44-745439-5

© Ахметкали Л.
© Издательские решения

Содержание

Дегустатор снов	6
Коллажирование реальности	9
Мастерство жизнетворения	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Дегустатор снов Время подлинности

Лю Ахметкали

Иллюстратор Елена Сущих

© Лю Ахметкали, 2021

© Елена Сущих, иллюстрации, 2021

ISBN 978-5-4474-5439-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дегустатор снов

– Здравствуйте. Мы рассмотрели ваше резюме. Вы нам подходите. Завтра можете приступить, – голос в телефонной трубке звучал глухо и как—то нереально

«Мое резюме?! У меня уже больше десяти лет нет никаких резюме», – подумала я и сказала вслух:

– Приступить к чему?

– К работе, конечно. Или вы сначала хотите обсудить условия. Так мы уже заранее учли все ваши требования и пожелания и согласились с ними.

«Как бы это выразить словами? – я не условия обсудить хочу, а в принципе понять, что происходит».

– А можно поподробнее – кем я буду работать, где?

– Вот и здорово. Раз вас интересуют такие детали, значит вы согласны. Вот вечером и поговорим о них, введем вас в курс дела, так сказать. А работать вы будете в «Трех Феечках» дегустатором снов. До встречи.

«Похоже где—то кто—то принял за меня решение. И что теперь делать?» – адресовала я вопрос небу, ибо трубка попискивала короткими гудками, ясно давая понять, что разговор завершен.

«Будем считать, что ошиблись номером. Где и когда назначена встреча не сообщили, и резюме свое я никуда не посылала, ибо его нет у меня». Хотя перспектива поработать в «Трех Феечках» была более, чем радужной, но при этом настолько нереальная, что даже в банальный розыгрыш верить не хотелось.

Весь день я пыталась забыть о странном звонке безуспешно. Пару раз пыталась перезвонить, чтобы уточнить про вечернюю встречу, но каждый раз обнаруживала полное отсутствие входящих звонков за сегодняшнее утро. Как впрочем и исходящих.

И всё же «Три Феечки» будоражили мое, как мне казалось, отсутствующее честолюбие, а дегустатор снов тревожил гудящее, как улей змей, воображение. Хотя оставался шанс, что я плохо расслышала и дегустировать нужно что—либо более съедобное – сыр, например, или вино.

Вечер незаметно подкрался в тот момент, когда я, накрашившись и причесавшись, зависла между белым сарафаном «солнцеклеш» и брючным костюмом цвета бирюзы. Я никоим образом не думала, что назначенная столь странным образом встреча состоится. Я наряжалась просто так. И телефон хватала каждые пять минут проверить, включен ли звук, исключительно в целях физической разминки глаз и конечностей.

Конечно же, не смогла выбрать, рухнула в кресло, проревела с полчаса, ни в силах расстаться с тем, что не свершилось и уснула полностью обессиленная ожиданием. Тут же под веками кто—то включил свет.

Возмущенная таким вмешательством в личное пространство, распахнула глаза и рот с намерением высказать... Закрыла рот. Потом глаза. Открыла один. Правый. Передо мной за большим молочно—белым стеклянным столом сидела девушка лет семнадцати. Она с ногами забралась в большое боссовское кресло и с любопытством наблюдала за моими гримасами.

– Вы закончили? – поинтересовалась она.

– Закончила что? – совершенно по—идиотски переспросила я.

– Делать вид, что вы сильно удивлены и даже возмущены. И перейдем на ты, – неожиданно закончила она, словно это я начала.

– Угу, – буркнула я в ответ, понимая, что совершенно не удивлена и нисколько не возмущена, а очень даже рада.

– Вот и хорошо. Твоя должность – дегустатор снов, оплата согласно штатного расписания и твоих ничем не обоснованных требований. Вот контракт, подпиши и приступай.

– Что делать—то? – кажется сегодня я истощу все запасы своего идиотизма.

– Подписывай и приступай, – повторила хозяйка кабинета.

– А что за требования и почему они не обоснованы? – спросила я, просто чтобы потянуть время, мой внутренний юрист не позволял подписывать контракты, которые он не прочитал, а читать было страшновато, ибо никаких требований я не выдвигала – ни обоснованных, ни необоснованных. Или не помнила, что выдвигала. И непонятно, что страшнее.

– Поездки в теплые края за счет фирмы чем чаще, тем лучше, зарплата, которой хватает на все, что хочется, и даже немного остается про запас, обучение на различных тренингах по велению души, выходные дни, когда лень или просто не хочется работать или потому что замечательная погода, что—то там было еще про личного массажиста и спа—салон, ну и еще разные мелочи – тетрабочки, ручки, кисти, краски... – Феем страсть как нравятся такие требования. А почему они не обоснованы – это вопрос к тебе, ты их таковыми считаешь.

– Ты не Феея? – задала я вопрос, ответ на который уже совершенно точно знала.

– Ну что ты. Я работаю у них. Так же как и ты. Уже год работаю, но видела только одну из четырех и мельком. Настолько мельком, что до сих пор не знаю, видела ли, – вздохнула она, потянулась и вдруг оказалась на столе. Растянулась вдоль прилично большой столешницы, и совершенно по—кошачьи мурлыкнула. Казалось, что в следующий момент она начнет вылизывать свою черную атласную шерстку.

– Подписывай уже. Мне домой пора, это ты у нас ночная птица, – прочирикала она, подперев подбородок руками.

«Я же сплю», – внезапно вспомнила я и расслабилась. Во сне и не такое бывает. Взяла ручку, подписала контракт, не читая, чем привела юриста в неопишуемый, но ожидаемый ужас.

– Вот и славненько. Твое дело смотреть сны, а потом вести дневник – понравилось, не понравилось. Вот в этой тетрадке с ангелами. Хотя – ого – у тебя полный доступ. Верни

тетрадь, вести дневник не нужно. Можешь править сны по живому. Не понравилось – стирай, хочется – добавляй, разберешься по ходу дела. Ну я пошла, – взмахнула она ресницами и бабочкой выпорхнула в окно.

«Интересно, а я так смогу», – подумала я, ни чему уже не удивляясь. Я ведь сплю, а во сне и не такое возможно. И внезапно проснулась.

Коллажирование реальности

Я проснулась внезапно, будто вынырнула. Сползла с кресла и, не открывая глаз, побрела в ванную. А зря. Там, где был выход в коридор, стоял белый лакированный комод. Глаза пришлось открыть. Потом еще раз. Вы ведь знаете, что в моей комнатке никакого комода не было никогда, он бы там просто не поместился. А тут – бац – и есть.

На комод лежал фотоаппарат. Не мой фотоаппарат на не моем комод в не моей квартире. Ибо это огромное пространство с окном во всю стену и отличным видом на закат, моим быть не могло по определению.

С трепетом, достойным поклонению какому—нибудь юному божеству, я взяла в руки фотоаппарат и вдруг «вспомнила» – курс по коллажированию реальности. Я на него подписалась, соблазнившись обещаниями рекламного проспекта, нагло упавшего на меня вчера с неба. И даже уже оплатила, и сегодня в двенадцать пополудни мы отправляемся за кусочками мозаики, из которой потом и будем лепить реальность.

Бред состоял в том, что я думала об этом совершенно серьезно и даже сердечно трепетала от такой радужной перспективы. А как же моя работа в Трех Феечках? Или она мне приснилась? А было ли вообще собеседование и подписание? Или я так и не дождалась вечерней встречи? Но телефонный звонок о моем резюме был вчера? А потом – я оплатила курс коллажирования реальности и внезапно переехала в пентхаус?

Моя крыша пробормотала «асталавистабейби» и скрылась за поворотом. Мне ничего не оставалось, как идти разыскивать ванную и приводить себя в порядок, потому что ночь, проведенная в кресле, кого хочешь до хаоса доведет.

Ванную я нашла быстро, мое тело знало, куда идти. Там я пережила еще один шок – кроме не моего фотоаппарата, мне теперь принадлежало еще и не мое отражение. Я была похожа на только что вылупившегося цыпленка с коротким торчащим во все стороны ежиком волос цвета вяленых апельсинов. Ключицы, коленки, локти, ребра – все торчало в разные стороны

и производило впечатление случайно склеившихся частей. И мне, черт возьми, это нравилось. Впервые в жизни я была абсолютно и бесповоротно довольна своей внешностью.

Телефон зазвонил, когда я уже смирилась и с неоправданно большой ванной, и с совершенно незнакомой кухней, и с тысячей непонятных приборов и приборчиков, и даже умудрилась сварить себе кофе среди этого хромированного великолепия.

– Анка, – затрещала трубка, не успела я нажать кнопку. – Прости, но я с тобой коллажировать не поеду. Андре созрел, и везет меня на побережье, наверняка замуж звать будет. А я совсем не готова. Не обижайся, ладно? В следующий раз обязательно. Целую, обнимаю, я побежала.

«Вот и имя нашлось», – подумала я. – «А короткие гудки после непонятных разговоров уже становятся традицией».

Вы можете подумать, что веду я себя очень странно. Не истерю, не бьюсь головой об стену, не пытаюсь иным образом выяснить, что же, собственно, происходит. Вы, конечно же, правы, просто я не привыкла по утрам сходить с ума, да и по вечерам не привыкла. И поэтому не знаю, как должны вести себя сумасшедшие при таких обстоятельствах. Вот и плыву тихонечко туда, куда занесет. А истерики считаю делом энергозатратным и мало приятным, лучше станцевать что–нибудь или съесть булочку с вареньем.

Но на эти действия времени не осталось – уже почти полдень, а мне еще нужно выяснить откуда мы отправляемся за мозаикой. С фотоаппаратом я не готова была расстаться, и это первое, что я беру с собой, «зеркалка» всегда была моей тайной мечтой. И судя по всему сей волшебный аппарат я купила вчера именно для курса по коллажированию. Хорошо же я живу нынче, если могу легко и просто потратить такую сумму. Хотя уже по квартире можно было догадаться.

И вновь зазвонил телефон.

– Анна, добрый день. Наша машина через 15 минут будет у вашего подъезда. Не забудьте взять с собой купальник и крем от загара. Ну и фотоаппарат, конечно. Остальное мы вам обеспечим.

– Да, спасибо, – пробормотала я в коротко–пищащую трубку. – Раскомандовались. Кто так с клиентами разговаривает?!

Телефон зазвонил вновь.

– Анна, простите ради бога. Татьяна у нас новенькая, и у нее кругом голова идет от обилия заданий. Она еще не привыкла к такому режиму. Мы надеемся, что не оскорбили вас и приносим свои извинения, а также комплимент от нашего Клуба – фотокнигу из тех ваших снимков, которые не войдут в коллаж и скидку 50% на второе путешествие для вас и вашего друга. Благодарим вас за понимание. До свидания.

Видимо судьба моя такая – разговаривать лишь с короткими гудками.

– До свидания, – все же сказала я, тяжело вздохнув. – А друга у меня нет. Очень жаль.

Телефон зазвонил вновь.

– Лапушка, я ужасно соскучился. А ты? – сказала трубка мужским голосом.

– А я получила скидку на коллажирование реальности для нас, – сказала я, чтобы что–нибудь сказать, тихонечко радуясь, что друг оказывается есть.

– Ничего не понял. Но уже завтра у тебя будет возможность лично и подробно мне все объяснить. Ты рада?

– Рада, – ответила я, потому что это естественно так отвечать другу. «Вот было бы здорово, если бы меня звали Рада», – заодно подумала я.

– Целую в носик, и побежал на посадку, жди завтра с утра, – сказала трубка и снова запищала короткими гудками.

Я со злости швырнула трубку об стену – не люблю не понимать. А со злости еще и не такое способна. Надо же какая страстная. И предусмотрительная. Ибо трубка ударилась об стену и упала в рюкзак, который я видимо еще вечером собрала для путешествия за мозаикой.

Повесила фотоаппарат на шею, рюкзак на плечо, кепку на голову и спустилась как раз вовремя.

В машине меня ждали еще пятеро путешественников, я была последней. Водитель представился Ромой и сообщил, что отвезет нас к стартовым площадкам, и там каждый будет иметь возможность сделать кадры своей мечты, а потом слепить из них свою реальность. Главное не шелкать клювом, а шелкать фотоаппаратом.

Я ничего не понимала, но спрашивать стеснялась. Вдруг мне уже все объяснили, а я все еще ничего не поняла. Не удобно. Да и окружающие выглядели совершенно спокойно и удовлетворенно кивали головами.

Через некоторое время нас привезли к странным полупрозрачным колоннам и предложили войти внутрь, каждому в свою. Я сделала вид, что ничего не боюсь, и сквозь страх шагнула в открывшуюся дверь, которая с приятным шуршанием закрылась прямо за моей спиной. Сверху потек золотистый свет, и приятный женский голос произнес:

– Приготовьте фотоаппарат и закройте глаза.

Я достала фотоаппарат из сумки, включила его и прикрыла глаза. Левый не до конца, чтобы подглядывать.

– Пока глаза не закрыты, перемещение невозможно, – сказала невидимая женщина с легкой укоризной.

Я зажмурилась изо всех сил. Все вокруг закружилось, или это я закружилась. По ощущениям не понятно, а подглядывать стыдно—страшно.

– Можете открывать глаза и приступать к фотоохоте, – укоризна в приятном голосе все еще осталась.

Я открыла глаза и не заорала, потому что все еще стыдилась своего подглядывания. Я стояла на краю пропасти, в которую с физически ощущаемым грохотом падала вода, подсвеченная заходящим солнцем. Потом я не заорала, потому что это было чертовски красиво, и дыхание просто «в зубу сперло». А потом я не закричала, потому что водопад внезапно сменился ночным мостом через какую—то темно—зеленую реку, и я поняла, что значит фотоохота – успеть поймать момент и перейти к следующему.

Азарт захватил меня с головой, никогда не подозревала в себе такую страсть к охоте и фотографиям. Но все, что представало перед моими глазами, было прекрасно – и огромные фиолетовые одуванчики с планеты Лули—ту, и желтые леденцово—прозрачные облака мира Хреи, и обычные голубые незабудки в чем—то, напоминающим густой апельсиновый фреш, и головоногие пингвины из системы Кродиусов, и лиловые с красными прожилками льды Фиорга, все это было настолько головокружительно прекрасно, что даже прыгающий в мою сторону белоснежный тигр заставил сначала нажать кнопку, а лишь затем с визгом броситься назад и уткнуться в белую округлую полупрозрачную стену стартовой площадки.

– Ваше время истекло. Хорошо закройте глаза, иначе перемещение невозможно.

– Я уже зажмурилась. От этих ваших тигров.

– Не наших, а ваших, вы заказали заармунского тигра, – сказала белобрысая девчонка, открывая дверь моей капсулы. – С возвращением. Давайте фотоаппарат. Мы распечем ваши снимки, нарежем их по выбранной вами схеме, и вы сможете сколлажировать свою реальность в инкубаторе номер три. А пока предлагаю вам выпить прохладительных соков и позагорать у бассейна. Вы же взяли с собой купальник?

Не в силах выдать из себя хоть слово, я просто кивнула.

– Вот здесь можно переодеться, а выход к бассейну – вон та зеленая дверь. Наслаждайтесь ожиданием, – подмигнула она и растворилась в воздухе.

Потеряв всякую способность испытывать эмоции, я просто переоделась в купальник и вышла на крышу. Да-да, бассейн на крыше. Земля далеко-далеко. Бортики у бассейна абсолютно прозрачные.

Я не решилась сразу лезть в воду, других путешественников не было видно, то ли еще, то ли уже, а одной было страшновато.

Я выбрала шезлонг так, чтобы солнце светило прямо в глаза. Выпила фреш из какого-то непонятого фрукта цвета драконьей крови с запахом мандарина и вкусом манго, расслабилась, закрыла глаза, погрузилась в темноту и... неожиданно проснулась.

Мастерство жизнетворения

Я проснулась очень резко, будто вынырнула. Хотя еще не ныряла, просто задремала на шезлонге. Наверное уже пора лепить, точнее коллажировать мою реальность.

– Дайте мне еще минутку, пожалуйста, – протянула я не своим голосом. – Чуть—чуть еще полежу и начну коллажировать.

– Ну—ну, цыпленочек. Ты же знаешь, что в этом вопросе я совершенно солидарна с твоей мамой. Кто раньше встает, тому Бог дает. И совсем не важно, что дает. Ведь так приятно получать, при чем практически бесплатно, просто за вставание с кровати. Да и сюрпризы это всегда увлекательно. И, что ты там делать собираешься, я не разобрала, но вряд ли это удастся. Синьор Лима уже ждет тебя на веранде для генеральной репетиции, ведь сегодня вечером твой первый сольный концерт.

«Только Матильде всегда удавалось так начать мое утро, чтобы я потом весь день улыбалась», – сонно подумала я. – «И ведь пора вставать. Уже давно пора, раз синьор Лима ждет, а я еще даже не завтракала».

– Концерт? Мой? Я же не умею петь! – сказала я, проснулась окончательно и открыла глаза.

– Цыпленочек, ты опять за свое. Если синьор Лима сказал, что ты готова, значит так и есть. А если тебе страшно, так это не страшно, бойся, а потом пой. Это же в конце концов не взаимоисключающие вещи, – подмигнула мне Матильда и протянула домашнее выходное платье – платье, которое положено надевать дома, если пришли гости.

Я сидела на высокой кровати в бело—голубой комнате. Раньше я думала, что лишь розовые комнаты способны вызвать мое отвращение, ан нет, ошибочка вышла. Эта комната была приторно—девчачей, хоть и голубой. Я схватила платье (надо ли говорить – голубое в белый мелкий цветущек, как сказала бы моя мама или не моя...) и побежала к зеркалу, ибо подзревала, что в подарок к комнате будет и новая внешность. Обрадовалась, что не ошиблась. Глазастое лохматое рыжее нечто хитро смотрело на меня из зеркала. Я потрогала свои торчащие в разные стороны волосы – жесткие и кудрявые – как я всегда хотела.

– Цыпленочек, сначала умойся, потом я тебя причешу. С твоей проволокой справиться нелегко старой женщине. Дал же Бог характер.

– Матильдочка, ну какая же ты старая женщина?! Ты совсем—совсем новая, посмотри на себя в зеркало, – хитренько подмигнула своей няньке и унеслась умываться. Отчего—то я была совершенно счастлива.

Минутка на подумать выдалась лишь, когда я причесанная, умытая и подобающе одетая, стояла у рояля, а синьор Лима играл длинное—предлинное вступление очаровательной, но незнакомой мне песни.

«Надо признать, что я медленно, но верно или очень быстро, что в сути своей не так уж важно, схожу с ума, съезжаю с катушек, прощаюсь с крышей. И хотя мои нервы уже на пределе, процесс мне скорее нравится».

– Если вы будет мечтать о незаслуженных аплодисментах, они могут так и не состояться в вашей жизни, ибо концерт пропадет даром, – услышала я голос синьора Лимы. Вроде бы все понятно сказал, но как—то... затейливо.

– Я слова забыла, – наморщила свой конопатый носик.

– Синьорина Рада хватит меня уже разыгрывать, как мигрень по вечерам. Не смешно ей богу.

– Рада?! Меня зовут Рада! Как же это чудесно! – закружилась я вокруг рояля, но поймав тяжелый выдох синьора Лимы, замерла на половине оборота, упала на колени и слезно попросила:

– Только не плачьте, синьор Лима, я все—все помню про вашу репутацию, вы просто мне напомните первую строчку, я действительно забыла.

Учитель вытер слезу батистовым платочком и молча протянул мне нотную тетрадь. Странные завитки вместо букв стали еще одной неожиданностью. Но оказалось я их очень хорошо понимаю и даже знаю наизусть.

– Играйте, синьор Лима, – дозволила я величественным тоном и поклонилась пока еще не существующим зрителям.

«Подумаю потом», – строго пообещала я себе, где—то на середине длиннющего вступления. И вступила вовремя на этот раз.

Боже, как же я пела! Голос лился, лился, лился, будто лучи лунного света. А язык, на котором я пела, создавался исключительно для поэзии, – плавный, тихий и пластично—хрустальный – казалось вот—вот разобьется, а он все тянулся, тянулся и тянулся. И я тянулась вместе с ним, изгибалась, падала к самому дну только для того, что в ту же секунду оттолкнуться и парить, парить, парить. Слезы катились из моих глаз, я задыхалась, но продолжала петь, ибо завершить этот божественный ритуал было не в моих силах.

Внезапно музыка закончилась, и я обнаружила, что уже не пою. В дверях стоит Матильда с подносом, полным всякой снеди, и, прикрыв глаза, раскачивается в такт своему дыханию. А по щекам катятся слезы. Внезапно она очнулась, сердито поставила поднос на столик и ворчливо сказала:

– Умеешь же ты, цыпленочек, погрузить в ненужные воспоминания и вывернуть душу наизнанку, – и улыбнулась так сладко, что мне захотелось еще спеть. Только для нее – моей любимой Матильды. И поняла, что если сейчас не сбегу куда—нибудь, лопну как мыльный пузырь, и некому будет вечером давать концерт.

– Матильдочка, вы тут с синьором Лима выпейте чаю с бисквитами, а я пойду немного прогуляюсь, а то у меня голова кругом – пение, концерт, я сама не своя, – я вдруг откуда—то знала, что пить чай с синьором Лима Матильде нравится почти так же, как слушать мое пение.

– Цыпленочек, далеко не убегай. Да и надолго не убегай.

А я уже бежала. Со всех ног, со всех мыслей, которые толпились в моей голове. Я бежала и рыдала изо всех имевшихся у меня сил, а встречный ветер, как заботливый кавалер, вытирал мои слезы и нежно поглаживал по голове. «Ну—ну, цыпленочек, все как—нибудь устроится», – говорил он голосом Матильды.

Я добежала о своего любимого озера, рухнула в траву и отдалась рыданиям. Плакала я столь же самозабвенно, как радовалась за Матильду с синьором Лима, как боялась вечернего концерта, и как, судя по всему, жила – с полной отдачей и погружением. Хватило меня минут на пятнадцать, потом мне надоело, да и ситуация яснее не становилась, а вот легче уже стала, зачем же лишнее обезвоживание телу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.